

Другой тип писателя являет собой сильно напумованный своими романами и повестями молодой Леонид Максимович Леонов. Ему едва исполнилось 32 года, а он уже имеет значительное имя и порядочный писательский стаж, хотя печататься начал в сущности лишь с 1922 г., когда вышел его рассказ "Бурыга" в альманахе "Шиповник".

В творчестве Леонова мы наталкиваемся в первых его произведениях на влияние Достоевского - таков "Конец мелкого человека"; встречаем и ряд других отголосков классической литературы. Так, невольно вспоминается Лесков /Стебницкий/, когда читаешь сказово-стилизованное "Записки...Ковякина" от них веет и закорузлостью Дебушкинских писем /"Бедные люди"/ и то тут то там мелькает черточка Гоголевской прозы. Но все же мы полагаем, что не у истоков лишь, а и в дальнейшем развитии Леонова играет особую роль колоссальная творческая ~~жизнь~~ индивидуальность Достоевского, отбрасывающая далеко от себя огромную мрачную тень на ~~жизнь~~ произведения Леонова.

Там, где Леонов описывает быт, он почти самостоятелен, нов и своеобразен. волнующ. Быт, им описанный порой, напоминает очерки Левитова, порой тянется к живой красочности Лескова, или каррикатурной четкости Гоголя, но в сущности он нов и неповторим. Автор передает нам свое особое чувство устоев, свое понятие о природе, свое ощущение мира вещей, вечности и предметности вообще. Здесь у него и свой глубокий лиризм и особенные свежие слова и яркие картины. Есть в лиризме Леонова какая то народность и напевность при всей его литературности. Недаром первыми произведениями его юности были стихи, а отец - крестьянский поэт - самоучка. Вообще о лиризме в новейшей русской литературе можно было бы написать целую содержательную книгу. Напомню изумительные по силе и блеску отступления Всеволода Иванова, Вячеслава Шишкова и многих других писателей. Здесь позволим себе заметить, что на лиризм последних лет оказал свое мощное влияние кроме Гоголя и Максим Горький. Но вернемся к влиянию Достоевского.

Может быть нигде не заметно так всеопределяющее влияние Достоевского как в романе Леонова "Вор"/II-е изд. 1928 г./Роман полон "Непом". В резуль

тате "Нэпа" и прекращения великой и гражданской войн сходит с пути честного борца Дмитрий Векшин и делается вором-взломщиком касс. Трагедия его жизни, его несчастной любви к Маше Долмановой, московские подонки и т.п. занимают сотни страниц обширного романа. Рядом с мятущимся духом Митькой стоит крепкая, эгоистически цепкая фигура нового "буржуя" кушца из крестьян - Николки Заварихина. Мы не собираемся серьезно и подробно критиковать роман "Вор", довольно таки слабое по нашему, произведение, - цель наша указать на ту связь с классиками /Достоевским/, на которую уже бегло указывала и советская критика. Начнем с ряда мотивов, сплетающихся в ряд сюжетных узлов.

Прежде всего взаимоотношение героев романа; Дмитрий Векшин /Митька, Митя - незаконнорожденный сын шута по профессии Манюкина. Манюкин - старый опустившийся до гаерства барин, нечто среднее между Фидаром Мармеладовым, Федором Павловичем Карамазовым и Снегиревым. Дмитрий Векшин случайно сходится со своим братом Николкой Заварихиным. Это ведь, любимая проблема Достоевского незаконные и "законные" сыновья. "Случайной семейки". В романе Леонова надрывы следуют за надрывами. Невероятные на трезвый взгляд происшествия случаются над каждым шагом. Нравственно разлагающийся Агей Столяров насилует героиню - гордую Машу Долманову, первую счастливую любовь юного Векшина и она уходит с Агеем и живет с ним как с мужем. Традиционная Таня /сколько их уже было в русской литературе! / чистая "жестоким целомудрием" / sic! / внезапно отдается полужнакомому вонючему, но мощному земляной силой Николке. Наконец и сама Маша Долманова любящая и терзающая Митьку своей скрытой любовью-ненавистью и т.д. Это так и отдает Достоевщиной.

Но и это еще далеко не все; ряд типов, идеология многих героев взята напрокат у Достоевского, как и многие обороты, положения и психологические подробности и даже словечки. Чтоб не быть голословными, приведем ряд маркантных, ярких примеров. Чикилев сближается с Шигалевым "Бесов" не одним звуковым сходством своей фамилии. Во второй части романа "Вор" Чикилев излагает "по тетради" свою теорию Государства будущего, которая чуть не целиком

описана с т е т р а д и фанатика Шигалева. Он говорит:—"В будущем го- 14
сударстве, которое придет через тысячу лет, не может быть никаких тайн...
Никаких секретцев, а наружу, на площадь пожалуйте, граждане, и выкладывай-
те в чистую, чем вы дышите. Тогда то уже все поневоле честными будут. Хо-
чешь-не-хочешь, а крепись". Далее он предлагает надеть на голову граждан
особую машинку для чения мыслей. А как вспоминается читателю монолог
Мармеладова, и его слова, что должен же кто либо на земле пожалеть подоб-
ных ему людей, что нужно же иметь место к у д а п о й т и и кому поне-
сти свое горе, когда прочтем такие строки у Леснова:—"Митя, не брезгуй мною!
Я и не скрываюсь, что дружбы твоей ищу. Э, не дружбы... дай хоть подержаться
за тебя! Нынче я совсем один стал... Должен кто нибудь
на земле постичь даже такого человека!"
А Манюкинские слова: "Верчусь, и в скором времени могу соскочить с оси.
Кроме того я могу вас укусить... приду, наскочу и укушу, например, за ухо," -
не звучат ли они в униссон со многими местами в романах Достоевского?
Наконец, есть и почти прямые заимствования. Но приведем еще пример. Всем
известно, что место в "Братьях Карамазовых", где Митя порывая со всем
и бросаясь вниз головой в омут страсти и позора, приказывает "кланяться
Катерине Ивановне" и особенно подчеркивает это слово. Когда, с горя, М и-
Т я Векшин сходится с Зиной, то Долманова передает Мите через Фирсова
"Приказа поздравления передать и пожелания семейного... - Чего-о? прищу-
рился Митька. - Семейного счастья! выпалил Фирсов.

Как образец надрывов à la Достоевский приведем одно место из "Вора".
Маша Долманова превращается в Грушеньку, пользуется ее приемами, языком и
действует под наитием лжи, в которую сама же верит. В нижеприводимом отрыв-
ке слышится эхо знаменитой главки из "Братьев Карамазовых"-"На минутку
ложь стала правдой"- и сцены Грушеньки с Алешей у нее на дому:

-"Зачем ты лжешь ему Митя?, говорит Долманова. Я тебе скажу потом, по-
чему ты идешь с ним!... И железа ты на лица себе не пускай, я и сама, мо-
жет, железная!."

х/Привожу с выпусками, ради краткости.

-Приблизясь, она ласкала Агея, проводя кончиками пальцев по лицу, и Агей знал чего стоила ей беспечная эта ласка...

-Чудак, улыбнулась та, когда пойдешь, тогда и встанешь. Ведь я не на колени к тебе приглашаю садиться... А боишься ты меня Митя! Не отодвигайся, я не полезу на тебя... целует... вот так? - Она успела привлечь к себе лицо Митьки, не ждавшего нападения, но в последнее мгновение раздумала и не поцеловала. Нет, не хочется... - Со скукой заключила она... Для гостя дорогого полная чистота должна быть. Нет, Митя, я дорогая, я ницему не по карману! Я Манька Стелярова, по кличке "Вьюга", вот кто / - Как, разве ты не знал? / Да, венчались... и ладан не дымил, а огнем горел! С о л г а л а о н а и с а - ш а н е з а м е т и л а с в о й л ж и, ибо верила в нее".

Да и главный герой - М и т ь к а являет собой какое то смещение М и т и Карамазова со Ставрогиным. Он тоже ходит "исповедываться" и молит старца Пчхова помочь его опустошенной душе: "Если любишь меня... прикажи мне делать, з а х о т е т ь что нибудь повели. Все достигнуто."

Упав на самое дно жизни Митя Векшин возстает, прикинув к народу, к родной земле, начав фидически трудиться. Словом, все по рецепту Достоевского - "трудиться на ниве народной". Но и это бы еще ния его, автору словно все еще мало реминисценций и заимствований. Митьку-вора в третьей части романа преследует фантом ужасной старухи, когда он после клятв кражи идет в бреду по Москве. Наконец, полубольной Митька в полу-бреду входит к своему бывшему другу с войны Аташезу и вступает с ним в разговор о совершенной им же Митькой краже в ведомстве Аташеза. Сцена с колечком, разговор о краже ир прои^дны то отзвуками схваток Порфирия Петровича с Расюльничковым, то на-поминают "Братья Карамазовы".

Эпилог "Вора", тон заключительных строк о том, как позже возродился Митька к новой жизни, замечание, что "все это останется вне пределов сего повествования" чрезвычайно напоминают знаменитый эпилог "Преступления и Наказания". Это можно было бы легко показать приведя обе параллельные выписки, но таких выписок можно было бы сделать много множество и они лишь

тяготили бы статью.

Сам автор "Вора" чуждые будущие упреки говорит *pro domo sua* устами одного из героев - писателя Фирсова: Критика встретила повесть Фирсова насмешками и бранью, или/у упреками "...Некоторые гоготали над подражательностью классикам, хотя за этот подлейший грех была сочтена просто литературная грамотность Фирсова" и т.д. Читатель, конечно, "литературную грамотность" может только приветствовать, однако не считая подражательность "подлейшим грехом", полагаем ее просто несовершенством, слабостью романа, когда она доходит до таких геркулесовых столбов. Даже тип немца и тот взят целиком от классиков. Немец Пугель из традиционных старых добрых немцев; он трусливо растерян, коверкает по старым образцам русский язык, жалок и смешон. Есть и такие немцы, да описывать их надо теперь иначе. В романе Леонова старых традиций много, но они еще, не усвоены здесь органически, они владеют автором, а не он ими.

Однако, Леонов значительный талант. Имеются и в "Воре" страницы "от глубины"^{х/}, страницы спокойной силы, меткие слова и четкие фигуры.

Мы остановились подробнее на произведениях этих двух писателей столь отличных по своей сущности друг от друга, но все же отражающих весьма ярко влияние традиции. Оба они новые, послереволюционные писатели и тем поучительней и творчество. Врать для примера таких авторов, как Замятин, Вересаев, Горький, Бунин, совершенно излишне, так как это означало бы ломиться в открытую дверь. Да и все они вместе с Ремизовым и Куприным породили уже целые рои подражателей. К отмеченным нами явлениям, т.е. к школе подражателей Достоевского и Толстого примыкает много множество советских авторов. Позвем себе отметить из них наиболее и.б. талантливых и наумевших в свое время.

К традиции Льва Толстого примыкает нередко и Мантелеймон Сергеевич Романов^{х/}. "Русь" Романова так близка ко многим страницам Л. Толстого, что со-

х/ Таково вступление к роману.

хх/ Первое печатное произведение - рассказ "Суд" вышло еще до войны, если не ошибаемся в 1911 году.

ветская критика заметила... "Многие страницы "Руси" звучат почти пародийно", столь видимо далеко заходит сознательная или не сознательная подражательность при описании жизни русского довоенного дворянства. И все же, это очень характерно, три части "Руси" выдержали по три издания, а некоторые книги вышли уже и четвертым изданием. Не будем останавливаться на романе "Русь", ибо это завело бы нас слишком далеко и заставило бы весьма разrostись нашу заметку, позволим себе лишь обратить внимание на могучее влияние Толстовской традиции в повести-романе "Детство".

Русская литература чрезвычайно богата художественными описаниями детства и отрочества в форме воспоминаний, преимущественно от первого лица. Тут и "Капитанская Дочка" и "Детские годы Багрова внука" и "Детство и отрочество" Л. Толстого и "Детство Темы" Гарина-Михайловского и много другое. В последнее время /лет ~~б~~тому назад/ вышло "Детство Никиты" Ал. Толстого написанное целиком в тонах наших классиков. /Тургенев, Короленко слышатся в нем не раз/. К этому длинному ряду "детств" и автобиографических воспоминаний относится и "Детство" Романова.

Среда, которую описывает автор, скорее всего помещица, средней руки и ничем особенным не отличается. Слабая нежная и немного забитая мать, ^{х/} правящая домо Крестная, полюбившая дядюшка, два старших брата /из которых один явно толстовец/ и младшая сестренка, вот кто окружает юного героя. Но главное - это своеобразная чуть не дореформенная тишина помещицкой усадьбы. Залетает, правда, в юные головы смелые и деи, но все кругом так тихо и благодушно, что нет и помину о войне, революции или голоде. Даже шишечка отдушника печки, что так ярко описана в "Детстве" у Льва Толстого и та все по-прежнему существенную роль в детстве героя, не забыта и передняя и ^{х/} сундуки /"Война и Мир"/. Герой повести Романова вспоминает "местечко в углу за буфетом, куда на шишечку отдушника вешается чайное полотенце. Э

здесь мы обыкновенно сидим, когда захочется помечтать. Но чаще прибегаем

^{х/} Напоминает кое чем мать в "Детстве" Толстого"

сюда во всех несчастных случаях жизни". Не забыта и патриархальная няня, и щеголь брат Сережа, лапки которого, обтянутые рейтузами возбуждают ту зависть в юном герое, которую испытывал к Володе Николенька. Герой отличается повышенной впечатлительностью и Толстовской склонностью к самоанализу. Он также влюблен в девочку Наташу, как Николенька в Сонечку. Он даже говорит, временами, совсем по Толстовски; кается за свой гнев на Крестную почти в той же форме, что Николенька по отношению к Карлу Ивановичу - /сцена утром с хлопущей/. Герой, подобно Николеньке ~~живя~~ переживает при тупах чувства своей грешной оторванности, отторженности от мира, и затем, чувство радости и чистоты. Нет недостатка и в более мелких, но тем убедительнейших деталях сходства. Таково волшебное катанье на святках в морозную ночь, когда все старанки строения озарены месяцем и "неподвижно закованы в снег". Это катанье в некоторых деталях невольно сближается читателем с катанием Ростовых в морозную ночь на святки. Не забыта игра в полунце фугой звуков /Петя Ростов/ и многое другое.

Следует, однако, особенно подчеркнуть ту общую черту в мироощущении двух подростков, которая сближает Николеньку "Детства" Толстого с героем "Детства" Романова. Мы говорим здесь о своеобразной, порой почти животной радости от благостной полноты жизни. В это переживание ребенка, однако, не раз врывается ощущение своей грешности, испорченности среди доброй и хорошей природы. Здесь у Романова не руссоизм, а "толстоизм", если позволительно такое словобразование.

К иной традиции примыкает писатель, несколько менее известный загранич^{х/}цей и в советской России, - Владимир Германович Лидин. В печати появились его рассказы еще в 1915, но известность приобретена им лишь после 1918 г., когда писатель отходит от Буниновского влияния и подпадает временами под давление творческих приемов Б.Пильняка ^{хх/} и м.б. И.Эренбурга.

х/Псевдоним В.Г.Гольдберга.

хх/Псевдоним Б.А.Вогау.